

УДК 94:084.3 (571.16)

И.В. Нам, Н.И. Наумова

ЭСТОНЦЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ: ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ. 1917–1919 гг.

Рассматриваются процессы самоорганизации, этнической мобилизации и консолидации эстонского населения Томской губернии и Сибири в условиях революции и Гражданской войны. Своей стратегией эстонцы избрали этническую консолидацию. Объединившись во всесибирский союз, они создали институты национального самоуправления и культурной автономии: Эстонский национальный совет в Сибири и Всесибирский комитет эстонских колоний. Тем самым они вносили свой вклад в создание в Сибири как части России институтов гражданского общества.

Ключевые слова: эстонцы, национальная самоорганизация, этническая идентификация, консолидация, культурная автономия.

Томская губерния заселялась эстонскими крестьянами наиболее активно начиная с 90-х гг. XIX в. К 1917 г. их насчитывалось примерно 15 тыс. Здесь возникло до 40 крупных и средних эстонских поселений, из них некоторые объединяли группы небольших деревень или хуторов. В Каинском уезде наиболее крупными были деревни Орава (основанная в 1896 г., 97 семей) и Николаевск (1897 г., 45 дворов). В Мариинском уезде – Кольцово (1900 г., 500 жителей), Вамбола (1908 г., 147 семей), Казекюла (она же Березовка, 1902 г., 102 семьи), Лилиенгоф (1902 г., 82 семьи) и др. Много поселений было и в Томском уезде, наиболее известное – Соляной Заселок (основано в 1896 г.). В Змеиногорском уезде выделялись поселения Лифляндка (1895 г.) и одно из наиболее зажиточных в Сибири – Эстония в Покровской волости (1897 г., 85 семей) [1. Л. 2–14].

Установившийся в России в результате Февральской революции демократический режим создал благоприятные условия для создания институтов гражданского общества. С отменой Временным правительством всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений народы России получили возможность широкой самоорганизации в самых различных формах: политических, культурных, экономических. С целью способствовать материальному и духовному развитию эстонцев весной 1917 г. в Омске [2. 1917. 28 марта (10 апр.)], Новониколаевске [3. 1917. 2 апр.] и Иркутске [4. 1917. 9, 10 июня] были образованы эстонские общества. В октябре организовался комитет по устройству беженцев-эстонцев в Бийске [5. 1917. 11 (23) окт.]

В послеоктябрьский период процессы самоор-

ганизации эстонцев, как и других национальных меньшинств, переходят на новый уровень, создаются их местные и региональные (общесибирские и губернские/областные) структуры самоуправления. В декабре 1917 г. эстонские офицеры, студенты и общественные деятели основали в Томске общество «Uhendus» («Объединение») [6. С. 63; 7. 1917. 2 дек.; 8. 1917. 3, 15 дек.]. По его инициативе 16–17 марта 1918 г. в Томске состоялся съезд эстонских колоний Томской губернии, созданный с целью «самоорганизации» и защиты «национально-культурной самобытности» местных колонистов-эстонцев. На съезд съехались представители большинства эстонских колоний в губернии. Съезд выявил насущные нужды, удовлетворение которых являлось острой необходимостью для колоний (устройство мельниц и колодцев, облегчение доставки земледельческих орудий, машин и т.д.) [8. 1918. 12 марта (27 февр.), 20 (7) марта]. Итогом работы съезда стало образование Центрального комитета эстонских колоний Томской губернии. С мая 1918 г. он начал издавать газету «Siberi Asunik» («Сибирский колонист») [9. 1918. 30 (17) апр.].

Советская власть на первых порах не препятствовала деятельности учреждений, провозглашавших своей целью культурно-просветительную и благотворительную работу среди национальных меньшинств. Так, исполком Томского губернского совета не противодействовал первоначально и деятельности ЦК эстонских колоний, выдавая его уполномоченным удостоверение на право проезда по губернии [10. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 9. Л. 56–58]. В то же время большевики не доверяли национальным организациям, считая их буржуазно-националистическими, и делали ставку на созда-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 09-01-95101 а/Э.

ние среди национальных меньшинств проводников своего влияния – национальных секций РКП(б). Так, в конце апреля в Новониколаевске была организована эстонская группа коммунистов-большевиков, поставившая своей целью вывести местных эстонцев из-под влияния «контрреволюционных элементов». [11. 1918. 26 апр. 10 мая].

Поэтому свержение Советской власти и установление власти Временного Сибирского правительства (ВСП) эстонские организации встретили с воодушевлением. «Можно снова начать созидательную, свободную от «усмотрений» работу», – говорилось на собрании эстонского общества «Юхендус» в Томске 9 июня. Председатель собрания В. Сызрд заявил, что задача осуществления широкой областной автономии, которую ставит перед собой новое правительство Сибири, близка и дорога эстонцам [7. 1918. 12 июня]. Но взаимоотношения эстонских организаций и ВСП, как и других временных российских правительств, складывались непросто. Большое влияние на их развитие оказывал фактор провозглашения новых независимых государств – Польши, Латвии, Литвы, Украины, Эстонии. Поддерживая их образование, национальные организации заявляли о своем «нейтралитете» по отношению к происходившим в России политическим событиям. ВСП, а затем и Российское правительство адмирала А.В. Колчака не признавали правомочность действий национальных организаций, члены которых еще недавно являлись подданными Российского государства, а теперь заявляли о своем иностранном гражданстве и брали на себя выполнение консульских функций по защите интересов национальных меньшинств. Так, в обращении Эстонского комитета, образовавшегося 8 июля 1918 г. в Самаре, говорилось: «Как граждане самостоятельной Республики, мы не считаем для себя возможным принимать активное участие в Русской гражданской войне, – нынешней борьбе с большевиками, – зато призыв к борьбе с германцами найдет самый горячий отклик в сердцах всех эстонцев» [1. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 31. Л. 3–3об.]. Считая себя «представителем эстонского народа на всей территории, подчиненной Комучу и Сибирскому правительству», Самарский комитет обратился 23 июля 1918 г. к представителям Франции, Англии и Америки с просьбой оказать поддержку в его признании Комучем и ВСП «временным представителем самостоятельной Демократической Республики Эстония впредь до установления связи с представителями Эстонского правительства в Петрограде» [1. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 31. Л. 12–13].

Перебравшись после Уфимского совещания в Омск, Самарский эстонский комитет стал называться Эстонским национальным комитетом в Сибири. 30 октября последовало его обращение к председателю правительства с просьбой признать Комитет в качестве «правомочного представительства» Эстонии и ее Временного правительства при Директории «во всех делах, касающихся Эстонии и интересов ее граждан» [1. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 309. Л. 2]. В архиве сохранился документ (без подписи), начинающийся словами: «по поводу изложенных домогательств Эстонского Комитета», на которые предлагалось отвечать следующим образом: «Стремление Эстонского Комитета добиваться признания самостоятельности Эстонии и вытекающих отсюда прав», во-первых, «предвосхищает решения Всероссийских органов власти, единственно правомочных в разрешении вопросов об устройстве и пределах автономии отдельных областей России, как то и выражено в акте об образовании Всероссийской верховной власти 10–23 сентября 1918 г. ...»; во-вторых, «противоречит постановлению того же акта..., в силу коего единственным носителем Верховной власти на всем пространстве государства является Всероссийское Временное Правительство...»; в-третьих, идет вразрез с постановлением п.1 грамоты Всероссийского Правительства от 4 ноября 1918 г., согласно коему все без исключения областные правительства должны прекратить свое существование...». «По этим соображениям, – говорилось далее, – притязание Комитета на признание самостоятельности Эстонии и допущение его как правомочного представителя Временного эстонского правительства должно быть отвергнуто. Комитет может рассматриваться как общественная национальная организация, выражающая интересы эстонского народа...» [12. С. 163–164].

Ссылаясь на возникновение де-факто эстонского государства, комитет выдавал удостоверения об эстонском гражданстве, добивался освобождения эстонцев от мобилизации. Но все его попытки добиться признания со стороны Российского правительства были безуспешны. В Омске полагали: поскольку «со стороны России не последовало официального акта о признании Эстонии самостоятельным государством, за Эстонским национальным комитетом не может быть признано право выдавать какие-либо документы, имеющие значение видов на жительство лицам эстонской национальности». Эти удостоверения признавались только как основание для отметки в паспортах о принадлежности к эстонской национально-

сти [1. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп.1. Д.166. Л. 49: Ф.Р-147. Оп. 10. Д. 91. Л. 61].

Связывая свою судьбу с Сибирью, эстонцы внимательно следили за событиями в Эстонии. В середине ноября 1918 г. Германия передала управление Эстонией в руки Временного правительства под руководством К. Пятса. Проходивший в декабре 1918 г. в Томске Всесибирский съезд представителей эстонских колоний высказался за самостоятельность Эстонии в форме демократической республики и постановил приветствовать эстонское правительство по случаю освобождения Эстонии от германских войск [13. 1919. 7 февр.].

Созванный по инициативе ЦК эстонских колоний Томской губернии съезд имел большое значение для объединения сибирских эстонцев, рассеянных по территории всей Сибири, в единое целое. Первоначально созыв съезда намечался на 8 сентября 1918 г. Предполагалось рассмотреть широкий круг вопросов, связанных с созданием общесибирского эстонского комитета, с выборами представителей эстонцев в Сибирскую областную думу, на конгресс народностей Сибири, в Сибирское Учредительное собрание [14. 1918. 30 (17) авг.; 15. 1918. 31 авг.; 7. 1918. 7 сент.]. Но созвать съезд удалось только через три месяца, когда к его организации подключился Самарский эстонский комитет. На проведение съезда было получено разрешение МВД колчаковского правительства и Томского губернского комиссара, но при условии, чтобы его работа не выходила из пределов одобренной министерством программы и чтобы на всех заседаниях присутствовал представитель милиции, знающий эстонский язык. Таковым был назначен заведующий гражданским столом уездной милиции Рост. Копии протоколов, переведенных на русский язык и подписанных членами президиума, предполагалось передать губернскому комиссару [10. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 224. Л. 4–13].

Съезд открылся 8 декабря, в его работе приняли участие около 30 делегатов. Заседания проходили на эстонском языке. Съезд признал необходимость введения национально-культурной автономии для эстонских колонистов в Сибири, а для ее осуществления – скорейшего созыва Всесибирского Учредительного собрания. Для защиты культурных и экономических интересов эстонцев, рассеянных по Сибири, было решено объединить их в единую Всесибирскую организацию (союз). Принятый съездом устав предусматривал создание эстонского самоуправления, включая местные и районные организации, образующие Всесибирский эстонский союз.

Была принята обширная программа деятельности, направленная на организацию и развитие экономической и культурной жизни эстонцев в Сибири, развитие здравоохранения, религиозной жизни, национального образования и др. В целях финансовой поддержки экономических мероприятий намечалось создавать общества взаимного страхования, сельскохозяйственные и экономические общества, кооперативы, ссудо-сберегательные товарищества, общества взаимного кредита. В Иркутске планировалось открыть акционерный банк, на его организацию участниками съезда был собран по подписке 1 млн рублей. Все эстонские организации – от кооперативных до акционерных – обязывались отчислять часть от своих прибылей на культурно-просветительные нужды. Для развития земледельческой культуры было решено открывать склады семенного зерна, сельскохозяйственных орудий и машин, опытные станции и образцовые хозяйства. Программа предусматривала открытие в эстонских поселениях школ с обязательным шестилетним обучением на эстонском языке, библиотек и обществ народного образования, организацию педагогических курсов. С целью национального единения и просвещения планировалось продолжать издание газеты «Сибирский колонист» и организовать печатание эстонской литературы. Один из делегатов съезда предоставил необходимые средства для приобретения и оборудования типографии с эстонским шрифтом. По рабочему вопросу было принято решение об объединении рабочих-эстонцев в национальные профессиональные союзы [10. Ф.1362. Оп. 1. Д. 224. Л. 4–13; 15. 10 дек. 3. 1919. 17 янв., 11 февр.; 13. 1910. 7 февр.].

24 января 1919 г. Томский окружной суд утвердил принятый съездом Устав Всесибирского Эстонского союза [3. 1919. 11 февр.; 16. 19 февр.; 17. 1919. 21 февр.]. А 31 января окружным судом был утвержден устав еще одной организации – Эстонского студенческого общества «Ээсти», созданного с целью объединения всех студентов-эстонцев, обучающихся в Сибири [3. 1919. 20 февр.; 7. 1919. 20 февр.].

Эстонские организации вели среди местных эстонцев широкую культурно-просветительную работу. Еще до созыва всесибирского съезда ЦК эстонских колонистов Томской губернии издал первый в Сибири календарь на эстонском языке на 1919 г. [15. 1918. 7 нояб.; 14. 1918. 16 нояб.]. В Томске, Новониколаевске, Барнауле устраивались семейные вечера, балы-маскарады, спектакли на эстонском языке, концерты народных песен [11. 1918. 14(1), 15(2) февр.; 9. 1918. 28(15) апр.; 18.

1918. 20 нояб.]. С целью информирования эстонцев о происходящих в Эстонии событиях устраивались собрания, в местных евангелическо-лютеранских церквях служились благодарственные молебны [7. 1919. 18 февр.].

Большое значение придавалось сохранению и развитию национальной школы с преподаванием на эстонском языке. Национальная школа являлась, наряду с семьей и церковью, одним из важных трансляторов языковых и культурных традиций. По данным пастора А. Ниголя, в 1918 г. в Западной Сибири насчитывались 21 стационарная и 2 передвижные эстонские школы, из них 8 – в Томской губернии [19. С. 97]. Несмотря на сотрясавшие страну социальные катаклизмы, в Сибири не только сохранялись, но и открывались новые школы. В январе 1919 г. на собрании жителей поселка Юрьевского Томского уезда обсуждался вопрос об открытии одноклассного начального училища для детей эстонских поселенцев с общим числом школьников в 60–65 чел., включая детей из соседних поселков. Собрание постановило ходатайствовать перед уездным земством об ассигновании для этой цели необходимых средств. Избранная собранием школьная комиссия обратилась к Всесибирскому эстонскому комитету с просьбой об оказании помощи. Из 15 тысяч рублей, необходимых на строительство школы, жители обязались внести 1500 рублей и заготовить строительный материал [3. 1919. 21 февр.]. Городские школы добивались включения их школ в общешкольную сеть. Так, в августе 1918 г. была включена в сеть городских школ Новониколаевская эстонская школа [20. Ф. 97. Оп. 1. Д. 240. Л. 227об., Д. 241. Л. 42–44об.].

После падения власти белых Эстонский национальный совет, находившийся в это время в Томске, заявил о лояльности к советской власти, обратившись 23 декабря в Военно-революционный комитет и в Военно-революционный штаб в Томске с докладной запиской. В документе указывалось, что Эстонский совет является «центральной организацией, защищающей интересы эстонцев в Сибири, как граждан самостоятельной демократической республики». Подчеркивая, что главной целью при правительстве Колчака Эстонский совет ставил «сохранение строгого нейтралитета по отношению к гражданской войне и освобождение граждан Эстонии, как солдат, так и офицеров, от мобилизации в армию правительства Колчака». И «ему удалось освободить значительное количество эстов от мобилизации», которые ныне обращаются в Совет с просьбой «оказать им законное покровительство, как гражданам ино-

странного государства, признанного всеми державами», Совет выражал «полную уверенность», что представители местной высшей власти, как гражданской, так и военной, не допустят репрессивных мер по отношению зарегистрированных в Национальном совете граждан Эстонии, лояльность которых по отношению к Советской власти вполне гарантируется Эстонским национальным советом» [10. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 44. Л. 243–243об.].

Однако демонстрация лояльности не уберегла эстонские организации от репрессий установившейся в декабре 1919 г. в Томске советской власти. В январе 1920 г. все эстонские организации – Эстонский национальный совет в Сибири, Всесибирский комитет эстонских колоний и томское общество «Юхендус» – были «ликвидированы» образовавшейся в Томске с приходом войск Красной армии эстонской секцией РКП (б). Была закрыта и газета «Сибери Азуник» [21. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1454. Л. 319].

Революция и Гражданская война привели к общей нестабильности жизненного пространства, ухудшению социально-психологического самочувствия населения. Ухудшение бытовых условий, обеспечения продуктами питания, предметами повседневного обихода, правовая и социальная незащищенность влекли за собой общую усталость и потерянности, неуверенность в будущем, озлобленность и агрессию. Старая система социально интегрирующих мотиваций оказалась разрушенной. Доминирующим принципом становится принцип «каждый за себя». Каждый человек оказался в ситуации поиска «стратегии выживания». Особенно сложным было положение недавних переселенцев и беженцев, не успевших адаптироваться к условиям проживания в иной природно-климатической и социокультурной среде.

В этих экстремальных условиях эстонцы избрали своей стратегией этническую консолидацию, выразившуюся в стремлении сохранить свое духовно-культурное пространство, свои традиции, язык, обеспечить этническую идентификацию на личностном и коллективном уровне. В сложной экономической и социально-политической ситуации, в условиях быстро и радикально меняющихся политических режимов они сохранили определенное внутреннее единство, способность к самоорганизации, к защите своих прав, создавая национальные организации и школы. На региональных и всесибирских съездах разрабатывались и обсуждались стратегии решения насущных национальных проблем – этнической консолидации и взаимодействия с окружающим социумом. Общественная национальная жизнь эстонцев была доста-

точно интенсивной. Проявляя солидарность к судьбе своей родины, они развивали интерес к национальной истории и культуре. Заявляя о нейтралитете к происходящей в России Гражданской войне, они одновременно стремились взаимодействовать с властью.

Этому способствовал высокий уровень их самоорганизации. Объединившись во всесибирский союз, эстонцы, как и другие национальные меньшинства – евреи, поляки, украинцы, немцы, латыши, литовцы, корейцы, – создали институты национального самоуправления и культурной автономии: Эстонский национальный совет в Сибири и Всесибирский комитет эстонских колоний. Сфера их деятельности включала культурно-просветительную деятельность, национальную школу, защиту социально-экономических и политических интересов эстонского населения Сибири. Эстонские организации стремились добиться признания их властью как публично-правовых институтов, правомочных представлять и защищать интересы своих соотечественников. Создавая институты национального самоуправления, эстонцы тем самым вносили свой вклад в создание в Сибири как части России институтов гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственный архив* Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1118.
2. *Известия* Омского коалиционного комитета.
3. *Голос Сибири*. Новониколаевск.
4. *Иркутская жизнь*.
5. *Алтай*. Бийск.
6. *Маамяги В.А.* Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М., 1990.
7. *Сибирская жизнь*. Томск.
8. *Путь народа*. Томск.
9. *Знамя революции*. Томск.
10. *Государственный архив* Томской области (ГАТО).
11. *Дело революции*. Новониколаевск.
12. *Кукушкина И.А.* Небольшевистская Россия и проблема независимости балтийских государств // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М., 2002.
13. *Заря*. Омск.
14. *Народная газета*. Томск.
15. *Голос народа*. Томск.
16. *Отечественные ведомости*. Омск.
17. *Мысль*. Иркутск.
18. *Народная Сибирь*. Иркутск.
19. *Лоткин И.В.* Прибалтийская диаспора в Сибири. История и современность. Омск, 2003.
20. *Государственный архив* Новосибирской области (ГАО).
21. *Центр документации* новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО).